

Выйдя из Ханчжоу и отмахав добрых четыре часа на юг, отряд наконец переступил невидимую границу гор Яньдан. Впрочем, горами эти места можно было назвать лишь условно — перед путниками расстилалась унылая, выжженная равнина. Степная трава, местами поднимавшаяся выше колена, лениво колыбалась под порывами ветра. Время от времени в зарослях испуганно шуршали дикие птицы да проносились зайцы. Серое, затянутое дымкой небо казалось совершенно безжизненным, без единого облачка, а холодный резкий ветер, бивший в лицо, навевал тоску.

Шестеро товарищей неторопливо продвигались вперед. Иногда в густой траве мелькали силуэты монстров или редкие группы игроков. Чудовищ тут водилось немного, зато уровень у них был весьма приличный. Случайные одиночки забредали сюда редко — для этого требовался как минимум пятидесятый уровень и пара-тройка спасительных трюков в запасе. Да и те появлялись исключительно при свете дня. Ночью же равнина полностью вымирала.

— Я читал об этом месте на форумах, — заговорил Кака, лениво перебирая свои четки. — Дикие призраки выходят только после заката. Но те, кому довелось побывать здесь раньше, вспоминают эти места с содроганием. Представляете, все, что игроки здесь говорят, любые скриншоты или видеозаписи — всё бесследно исчезает с наступлением утра! Словно на фотографии остается только пустой пейзаж, а людей как не бывало. Понятно, конечно, что это просто настройки игры, но все равно как-то не по себе... Жуть нагоняют, в общем.

Маститый конь Красавца то и дело спотыкался в густой траве, так что хозяину пришлось спешиться и пойти наравне со всеми. Зажав в зубах травинку, он небрежно бросил:

— Это же игра, монах. Чем сложнее испытание, тем азартнее. Я уже совался сюда однажды, да только силенок тогда не хватило — местный босс уложил меня с одного удара. Тьфу! В этот раз мы обязаны его сделать.

— Сюда многие приходили, да только никто так и не преуспел, — подал голос Да Данцзя. — Говорят, этот призрак невероятно силен. Мы-то справимся?

— Раз не можем взять силой, возьмем хитростью, — отрезал Красавец. — Раз уж задание открыто, значит, решение есть. Даже если согнать сюда всю первую десятку мастеров, в открытом бою его не одолеть. Значит, дело не в грубой силе. Будем действовать по обстоятельствам. Уж я найду к нему подход!

Солнце медленно клонилось к закату, когда они наконец выбрались из бесконечного травяного моря. Перед ними раскинулась иссушенная каменистая пустошь. Земля здесь была желтой, потрескавшейся, без единой травинки. Повсюду из песка торчали обломки ржавого оружия и побелевшие от времени кости, отполированные ветрами. Казалось, сам воздух до сих пор хранил тяжелый, застарелый запах крови, которую эта земля впитала много веков назад.

— Когда-то здесь знатная сеча была, — задумчиво протянул Красавец. — С кем именно — бог весть, но наверняка без нашего призрака не обошлось. Пока совсем не стемнело, давайте сделаем привал. Ночью нам будет не до отдыха.

— Прямо здесь? — Монах побледнел и с опаской огляделся. — Может, найдем место попримечнее?

Красавец насмешливо фыркнул:

— Ты же буддийский монах, святой человек, неужто привидений испугался? Воля твоя. Можешь идти спать в траву, только потом не жалуйся.

Кака с надеждой посмотрел на остальных, но Да Данцзя уже споро ставил палатку и раскладывал утварь для готовки. Су Линцзюнь и Лянь Уцзю молча скользнули внутрь укрытия. Монаху ничего не оставалось, кроме как потащить за собой Отшельника Попутного Ветра, который до этого молча созерцал горизонт. Оставаться снаружи в одиночку было слишком неудобно.

Палатка оказалась просторной — шестеро мужчин разместились в ней без особого труда. Обычно в большой компании всегда шумно, но в этот раз разговор поддерживали лишь Красавец с Кака, да изредка подавал голос Да Данцзя. Остальные хранили угрюмое молчание. Монах тщетно пытался расшевелить товарищей, но, устав от бесплодных попыток, лишь обреченно вздохнул. Идти на встречу с призраком — дело само по себе невеселое, но зачем же так нагнетать?

Все расселись по углам, затаив дыхание, словно сговорившись издавать как можно меньше шума. У монаха по спине то и дело пробегал холодок.

Ситуацию спасла стряпня Да Данцзя. Как только на импровизированном столе появились дымящиеся блюда, напряжение спало. Монах уплетал за обе щеки, то и дело рассыпаясь в благодарностях, а Красавец громогласно объявил, что отныне берет Да Данцзя в свои личные повара. На лицах Су Линцзюня и Лянь Уцзю наконец появились улыбки. Лишь даос, Отшельник Попутного Ветра, молча съел несколько ложек пресного риса и отложил палочки. Да Данцзя слегка расстроился, но Кака поспешил его успокоить, шепнув, что у даосов строжайший пост и они не притрагиваются к скромному.

После плотного ужина над пустошью показалась луна. Пришло время приниматься за дело.

— Пройдем вперед метров пятьсот, — скомандовал Красавец, выводя группу наружу. — За тем песчаным холмом будет пруд. Как только тучи закроют луну, появится наш приятель. И помните: никакого оружия! Что бы ни случилось, не вздумайте нападать.

Пруд оказался небольшим. Лунный свет серебрил зеркальную гладь воды, а по берегам тихо шелестели ветвями несколько плакучих ив — единственное живое пятно среди этого мертвого царства. В глубине резвились мелкие рыбешки, в траве весело стрекотали ночные насекомые. Пруд буквально дышал жизнью, и это невольно заставило путников расслабиться, а затянувшееся напряжение постепенно сменилось умиротворением.

— Ты что творишь?! — резкий окрик Су Линцзюня заставил всех вздрогнуть.

Путники обернулись и увидели, что Лянь Уцзю, закатав штанины, преспокойно моет ноги в пруду.

— Ноги мою, — невозмутимо отозвался лекарь, не прекращая своего занятия. — В сапоги песок набился, идти неудобно.

— Нашел время! — в сердцах вздохнул Су Линцзюнь. — А ну как призрак прямо сейчас явится? Ты же даже убежать не успеешь!

— А зачем бежать? Мы ведь все равно не собираемся драться. Поговорим с ним по-человечески, да и дело с концом. Даже призраки должны прислушиваться к голосу разума. Учитель всегда говорил: бояться нужно живых, а не мертвых.

Прохладная вода приятно освежала уставшие стопы. Если бы не компания, Лянь Уцзю с удовольствием искупался бы целиком.

— Ну-ну, — усмехнулся Красавец. — Вообще-то, этот пруд — его могила. Смотри, как бы он не осерчал, что ты ему тут воду мутишь.

Да Данцзя и Кака, тоже собиравшиеся было ополоснуть ноги, мгновенно отпрянули назад и застыли на берегу с невинным видом.

Лянь Уцзю призадумался. Осквернять покой усопшего и впрямь было нехорошо. Мысленно попросив прощения у хозяина здешних мест, он поспешно выбрался на берег.

— Внимание... Начинается, — прошептал Красавец.

В то же мгновение яркий лунный диск скрылся за плотной пеленой туч, словно во время затмения. Воздух над прудом резко остыл, повеяло леденящим могильным холодом. Вода сделалась черной, как смоль. Ни всплеска рыбы, ни единого шороха насекомых — всякая жизнь вокруг мгновенно замерла. Окруженные глухой темнотой, шестеро товарищей застыли, едва смея дышать в ожидании неведомого.

Лянь Уцзю, не успевший обуться, потерял былую уверенность. Он замер у кромки воды, напряженно вглядываясь в черную глубь.

Вдруг налетел резкий порыв ветра. Никто не успел ничего разглядеть, как Лянь Уцзю охнул, потерял равновесие и с громким плеском повалился в воду.

— Уцзю! — дернулся было Су Линцзюнь, но Красавец мертвой хваткой вцепился ему в плечо.

— Не дури! Это он! — выдохнул Красавец, не отводя взгляда от воды.

Из опустившегося на пруд тумана проступил силуэт. Это был высокий, статный мужчина с длинными, почти до поясницы, волосами. Его серебряные доспехи испускали мягкое, призрачное свечение, разгоняющее ночную тьму. Одной рукой незнакомец без видимого усилия удерживал за шиворот промокшего до нитки Лянь Уцзю. Призрак застыл, не делая попыток напасть, словно оценивая добычу.

Путники, стараясь не шуметь, осторожно двинулись вперед.

Лянь Уцзю встретился взглядом с пришельцем. Лицо воина было мертвенно-бледным, лишенным красок, но совсем не пугающим. В его глубоких темных глазах застыла такая невыразимая тоска, что у лекаря невольно перехватило дыхание. Это было не чувство страха — скорее, глухой отклик на чужую боль, скрытую в глубине израненной души. Лянь Уцзю не боялся, понимая: эта тоска предназначалась не ему. И тот, кого ждал этот призрак, тоже был совсем другим человеком.

Воин долго всматривался в лицо юноши, но затем разочарованно опустил взгляд и разжал пальцы. Лянь Уцзю неловко шлепнулся на мелководье.

— Снова не он... — глухо, точно эхо в пустом склепе, прошелестел голос призрака. — Опять не он.

Мужчина обратил взор к небу. Под его тяжелым взглядом тучи медленно разошлись, и бледный лунный свет вновь залил пустошь. В этом призрачном сиянии лицо воина казалось бесконечно уставшим, иссеченным печатью былых невзгод, но в нем все еще теплилась тихая, почти осязаемая нежность. Он ждал.

— И что теперь делать? — едва слышно прошептал Кака.

— Сам не пойму, — так же тихо ответил Красавец. — Раньше он себя так не вел. Обычно сразу бросался в бой, и поговорить с ним было просто невозможно. Добрый знак. Слушайте, а ведь он явно кого-то ищет! И этот кто-то, кажется, чем-то похож на нашего лекаря. Уцзю, дружище, ты кашу заварил — тебе и расхлебывать. Иди разузнай, кого он ждет!

Лянь Уцзю стоял мокрый, бледный, с облепившими лицо влажными прядями волос. В таком виде он сам мало отличался от выходца с того света.

— Он ждет того, кого любил, — спокойно произнес лекарь.

— Любимого? Откуда тебе знать?

— По глазам видно. И он не просто ищет — он ждет.

Достав из пространственного мешка сухую сменную одежду, Лянь Уцзю направился к деревьям.

— Ну да, — пробормотал Красавец, — какая, в сущности, разница... И так понятно, что его ненаглядный давным-давно помер.

— Ну зачем же при всех переодеваться? Тут ведь даже женщин нет, — хохотнул Кака, выразительно косясь на Су Линцзюня, который не сводил глаз с застывшего у воды призрака.

— Мужчины тоже люди, — донесся из-за деревьев глухой голос лекаря. — С чего бы мне перед вами раздеваться?

— Давай быстрее, Уцзю! — крикнул Красавец. — До рассвета осталось не так много времени, вся надежда на тебя.

— Я сам поговорю, — внезапно отрезал Су Линцзюнь и решительно шагнул навстречу серебряному воину.

Су Линцзюнь подошел вплотную к призраку и без обиняков спросил:

— Ты ведь заперт здесь и не можешь уйти, верно?

Призрак медленно поднял голову. На его бледном лице проступила холодная, презрительная усмешка.

— Еще один дерзкий юнец. Даже если я прикован к этому месту, мне ничего не стоит раздавить тебя как клопа. Зачем вы явились тревожить мой покой? Глупцы, не знающие своей меры.

— Я и сам не горел желанием сюда идти, — спокойно ответил Су Линцзюнь, проигнорировав угрозу. — Но раз уж мы здесь, значит, такова судьба. Ты не можешь покинуть эту пустошь, а мы — можем. У нас есть свобода и живые тела. Мы можем отправиться в любой уголок этого мира и отыскать того, кого ты так долго ждешь.

— Лживое отродье! — расхохотался призрак, и в его смехе послышался звон сталкивающихся клинков. — Знаю я вас. Вам нужны лишь мои сокровища!

— Никакой лжи, — твердо произнес Су Линцзюнь. — Если не веришь, я останусь здесь, у тебя в плену. Мои друзья отправятся на поиски, а ты будешь держать меня заложником. Если они вернутся ни с чем, волен делать со мной все, что пожелаешь.

Призрак на мгновение замер, ослабив хватку, а затем прищурился.

— Хм... Терять мне все равно нечего, а коротать вечность в одиночестве изрядно наскучило. Идея неплохая. Вот только ты мне здесь не нужен — от тебя за версту несет медными монетами и торговой лавкой. Пусть остается тот лекарь. Если он согласится быть моим заложником, я дам вам шанс. Отыщите его — забирайте любую из моих наград.

Лицо Су Линцзюня полыхнуло багровым румянцем — наполовину от гнева, наполовину от унижения. Этот мертвец мало того что смел диктовать условия, так еще и посмел пренебречь им, выбрав Лянь Уцзю!

— Лекарь останется? Исключено! — вскипел Су Линцзюнь.

— Почему же исключено? — раздался спокойный голос Лянь Уцзю. Он уже переоделся в сухое платье и подошел к ним. — Я согласен остаться. Расскажи, кого мы должны найти? Где он живет?

Призрак отпустил плечо Су Линцзюня, и когда его взгляд упал на Лянь Уцзю, черты лица покойного воина заметно смягчились.

— Предупреждаю сразу, — негромко произнес он, — если твои друзья не справятся, ты останешься со мной навечно. Будут искать день — проведешь здесь день. Будут искать всю жизнь — разделишь со мной вечность.

— Идет, — без колебаний ответил Лянь Уцзю.

— Хорошо... Тот, кого я ищу, при жизни был лекарем. К нему шли за помощью со всех краев, совсем как к тебе.

Призрак устремил взгляд куда-то вдаль, погружаясь в воспоминания, и его мертвые глаза на миг ожили, наполнившись теплым светом.

— Его звали Лю Ханьсин. Он был моим самым близким другом. Когда я только начинал свой путь в цзянху, глупый и неопытный, он спас мне жизнь. Десять лет мы делили все невзгоды, рука об руку странствуя под небесами... Но в день моей свадьбы на наше поместье напали прихвостни демонического культа. Пользуясь суматохой, они похитили Ханьсиня. У него не было боевых искусств, он не мог защитить себя. Орден потребовал мою жизнь в обмен на его свободу, и я, не задумываясь, готов был пойти на плаху. Однако мой отец и молодая супруга преградили мне путь, угрожая покончить с собой прямо у меня на глазах.

Призрак тяжело вздохнул, и этот вздох отозвался шелестом увядшей травы на равнине.

— Мне пришлось уступить. Я собрал великие праведные школы, и мы обрушились на логово демонического культа, предав его огню. Мы уничтожили их всех до единого. Но когда я отыскал Ханьсиня в пылающих руинах, он уже потерял рассудок от пыток. Его тело было

покрыто страшными ранами...

Потребовался целый год заботы и лучших лекарств, чтобы он снова начал узнавать меня. Но его ноги... он больше никогда не смог подняться с постели.

После той победы меня провозгласили главой союза боевых искусств. На мои плечи легли заботы обо всем Поднебесном мире. Дела требовали постоянного присутствия, времени катастрофически не хватало, и я навещал его все реже. Во время нашей очередной встречи Ханьсинь твердо заявил, что хочет уйти. Он пожелал вернуться в уединенную долину, где провел свое детство. Я не стал спорить. Сам отвез его туда, нанял преданных слуг, чтобы он ни в чем не нуждался. Старался вырваться к нему при первой возможности — хотя бы четыре-пять раз в год. Так прошло еще пять лет...

Но мир недолго оставался спокойным. Недобитки демонического культа снова подняли голову, в цзянху вспыхнул мятеж. К тому времени мое воинское искусство не знало равных под небесами, но врагов оказалось слишком много, а среди моих приближенных завелся предатель. Меня загнали в ловушку. Спасаясь бегством, я пробился к горам Яньдан. Здесь, на этой пустоши, я принял свой последний бой. Я вырезал всех преследователей до единого, но раны оказались смертельными. Силы оставили меня прямо на этом месте...

Мужчина замолчал, и на его бледных губах промелькнула грустная улыбка.

— А ведь я бежал сюда лишь потому, что надеялся перед кончиной повидать его еще хоть раз... Та долина, где остался Ханьсинь, зовется Долиной Бабочек, что на юге Яньнани.

Су Линцзюнь, не выдержав затянувшейся драмы, бесцеремонно оборвал его:

— С тех пор утекло слишком много воды. Твоего друга давно нет в живых. Кого именно мы должны искать?

Призрак одарил его ледяным, пронизывающим взглядом.

— Я и сам знаю, что он мертв! Но его душа должна была переродиться. Найдите мне его новое воплощение.

Су Линцзюнь презрительно фыркнул:

— И зачем тебе его перерождение? Это ведь совершенно другой человек, с другой судьбой и памятью.

— Нет, это будет он! — упрямо отрезал воин. — В каком бы обличье он ни явился в этот мир, моя душа узнает его. Он останется собой.

— Ладно, допустим, — вздохнул Су Линцзюнь. — Но у него должны быть хоть какие-то приметы? Как нам его узнать?

— Приметы? — Призрак надолго задумался, на его челе пролегла глубокая складка. — Он будет искусен в медицине. На его щеке при улыбке будет появляться ямочка... А его ноги... Впрочем, в новой жизни этого недуга может и не быть.

— Твои приметы вилами по воде писаны, — проворчал Су Линцзюнь. — Лучше нарисуй, как добраться до Долины Бабочек. Возможно, там найдутся более надежные зацепки.

Немного помедлив, призрак согласно кивнул. Подобрал обломок ржавого меча, он быстро начертил на песке простую схему.

— Отсюда это не так уж далеко. Но предупреждаю сразу: уцелела долина или превратилась в руины — не смейте притрагиваться там ни к единой вещи!

— Больно нужны мне пожитки покойников, — хмыкнул Су Линцзюнь. — Может, все-таки прихватить безделушку на память?

— Попробуй только, — лицо призрака исказилось яростью, и он мертвой хваткой вцепился Лянь Уцзю в горло, приподнимая лекаря над землей. — Если тронете хоть пылинку, я задушю его прямо здесь!

Су Линцзюнь сжал кулаки, шумно выдохнув сквозь зубы:

— Твоя взяла, чудовище. Договорились.

<http://bllate.org/book/18276/1758862>